

УДК 34**Совершенствование института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в контексте дифференциации уголовной ответственности****Бордакова Анна Геннадьевна**

Кандидат юридических наук, доцент,
кафедра организации борьбы с экономическими преступлениями,
Самарский государственный экономический университет,
443090, Российская Федерация, Самара, ул. Советской Армии, 141;
e-mail: ansan12263@mail.ru

Аннотация

Введение настоящего исследования посвящено актуальной проблеме совершенствования института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в контексте дифференциации уголовной ответственности. Цель работы заключается в анализе существующих правовых механизмов, выявлении проблем правоприменения и разработке предложений по оптимизации данного института для достижения баланса между гуманизацией наказания, принципом справедливости, защитой прав обвиняемого и интересами потерпевшего и общества. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности этого инструмента гуманизации уголовной политики. Материалы и методы исследования включают анализ норм действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства России, изучение отечественной и зарубежной правовой доктрины, а также обобщение и критическую оценку судебной практики. Особое внимание уделяется критериям оценки искренности раскаяния, степени возмещения вреда, полноты содействия следствию и взаимодействия с потерпевшим. Исследование носит комплексный характер, сочетая догматический, сравнительно-правовой и социолого-правовой методы. Результаты исследования выявили ключевые проблемы применения института деятельного раскаяния. К ним относятся трудности в квалификации действий обвиняемого как подлинного раскаяния, риск формального подхода, недостаточность доказательственной базы для объективной оценки, сложности в оценке искренности при экономических и коррупционных преступлениях, а также неоднозначность применения при тяжких преступлениях. Установлено, что отсутствие четких законодательных критериев для понятий «существенная помощь следствию» и «полное возмещение ущерба» ведет к разночтениям в судебной практике. Выявлена проблема дублирования или неправильного совмещения института деятельного раскаяния со смежными институтами, такими как примирение с потерпевшим. Обсуждение результатов подтверждает необходимость совершенствования института. Основные предложения включают: формализацию ключевых понятий и критериев оценки раскаяния в законодательстве и подзаконных актах (при сохранении разумной доли судебного усмотрения), разработку четких процессуальных механизмов доказывания факта раскаяния, внедрение системы контроля за исполнением обязательств обвиняемого (включая возможность пересмотра решения при

неисполнении), расширение применения условного освобождения с реабилитационными программами и медиацией, адаптацию института к специфике киберпреступности. Подчеркивается важность усиления роли потерпевшего в процедуре освобождения и необходимость учета международного опыта при адаптации к российским реалиям. Особое внимание уделяется обеспечению баланса между гуманизмом и неотвратимостью наказания, исключаящего злоупотребления.

Для цитирования в научных исследованиях

Бордакова А.Г. Совершенствование института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в контексте дифференциации уголовной ответственности // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 4А. С. 318-327.

Ключевые слова

Деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности, дифференциация уголовной ответственности, гуманизация уголовного права, уголовно-правовой институт.

Введение

Современная уголовно-правовая политика стоит перед необходимостью постоянной корректировки и совершенствования правовых механизмов, способствующих гуманизации оборота уголовной ответственности, при этом учитывая принцип справедливости. Целью такого правового регулирования становится поиск баланса между интересами общества и потерпевшего с одной стороны и защитой прав обвиняемого с другой. Институт освобождения от уголовной ответственности, основанный на деятельном раскаянии, представляет одно из ключевых направлений такой гуманизации и позволяет существенно расширить возможности правоприменителя в случаях, когда поведение лица после совершения преступления заслуживает более мягкой оценки [Кашпер, 2023]. Расширение данного института опирается на концепцию дифференциации и индивидуализации ответственности, которая предполагает, что наказание и иные меры правового воздействия должны определяться с учетом всех обстоятельств дела и личности правонарушителя. Именно этим обусловлена актуальность исследования перспектив совершенствования института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Мы можем наблюдать, что представление о деятельном раскаянии претерпевало эволюцию в правовой науке, отражая меняющиеся ценности и ориентации уголовной политики.

В первую очередь следует отметить, что концепция деятельного раскаяния предполагает не только признание своей вины, но и совершение активных действий по возмещению причиненного вреда или по примирению с потерпевшим. Это позволяет суду и органам следствия оценивать не только сам факт совершения уголовно наказуемого деяния, но и поведение лица после его совершения. Вопросы, связанные с пониманием сущности деятельного раскаяния, требуют углубленного анализа судебной практики, поскольку именно практика способна выявить узкие места и пробелы в действующем законодательстве [Теппеев, Смирнова, 2023]. Законодателю, обозначившему определенные формальные условия освобождения от уголовной ответственности, важно обсудить механизмы, которые будут способствовать объективной оценке степени участия лица в реабилитации собственной вины.

Несмотря на то что уголовное право традиционно ориентируется на оценку деяния в момент его завершения, все более актуальным становится учет последующей активности правонарушителя в целях предотвращения дальнейших негативных последствий.

Материалы и методы исследования

Относительно дифференциации уголовной ответственности необходимо понимание, что не все лица, совершившие однотипное преступление, обладают одинаковым уровнем общественной опасности. Одним из поводов для особого понимания личности преступника является его способность к осознанию вреда, причиненного собственным поступком, а также готовность предпринимать шаги к устранению этого вреда [Густова, Марков, 2020]. Таким образом, деятельность лица по исправлению последствий деяния может выступить смягчающим обстоятельством и даже стать основанием для полного освобождения от ответственности в ряде случаев. В то же время применение института деятельного раскаяния должно носить избирательный характер, учитывая тяжесть преступления и его характер. Законодатель, стремясь к системному подходу, вводит четкие критерии, позволяющие разграничить ситуации, в которых деятельное раскаяние целесообразно, и те, где такой вариант гуманизации будет противоречить интересам правопорядка.

Трудности в применении данного института возникают в большей степени в сфере квалификации действий обвиняемого, а также определения, была ли его помощь в раскрытии преступления или возмещении ущерба действительно существенной. Для объективной оценки необходимо не только субъективное объяснение самого лица, но и доказательственная база, приобретенная в ходе следственных мероприятий. В судебной практике встречаются ситуации, когда раскаяние объявляется формальным и не подкрепляется реальными поступками, направленными на погашение вреда [Кузьмина, 2020]. Именно поэтому для судьи и следственных органов важно иметь ясные критерии, позволяющие разграничить формальное раскаяние и искренние действия, заслуживающие правовой привилегии. Соответственно, существует необходимость в совершенствовании процессуальных норм, регламентирующих сбор доказательств и оценки действий обвиняемого.

Результаты и обсуждение

При этом не следует забывать о том, что институт деятельного раскаяния тесно связан с такими смежными категориями, как примирение с потерпевшим и возмещение ущерба. Различные аспекты взаимодействия обвиняемого и пострадавшего в процессе уголовного судопроизводства все чаще становятся предметом отдельного научного анализа, ведь активная позиция обвиняемого может проявляться не только в содействии органам правопорядка, но и в стремлении урегулировать конфликтную ситуацию напрямую. Чтобы механизм был эффективным, законодательное закрепление различных форматов деятельного раскаяния должно сопровождаться уточнением процедур, которые обеспечивают реальное исполнение обязательств виновного. В противном случае статус раскаявшегося лица может приобретаться формально, без достижения истинных целей института [Пикин, 2024]. Важно, чтобы государство и суды обладали достаточной информацией для разграничения случаев истинного раскаяния и спекулятивного заявления об усердном сотрудничестве.

Усиление роли примирительных процедур требует комплексного рассмотрения.

Исследование опыта зарубежных правовых систем показывает, что в ряде стран существует разветвленная система медиации, предполагающая включение нейтрального посредника, помогающего преступнику и потерпевшему найти взаимоприемлемое решение проблемы, возникшей вследствие преступления. Данный подход способствует снижению уровня конфликтности в обществе и стимулирует правонарушителя к сознательному выбору пути возмещения ущерба. Однако, внедряя зарубежные практики, необходимо учитывать особенности отечественного уголовного права, в котором деятельное раскаяние рассматривается как основание освобождения от ответственности при соблюдении ряда формальных условий [Следь, Хабилова, 2020]. Тем более что практическое применение медиационных процедур требует определенной правовой грамотности участников, а также соответствующего уровня правосознания в обществе, что достигнуто пока не в полной мере.

Дифференциация уголовной ответственности, в том числе с опорой на институт деятельного раскаяния, подразумевает гибкость в подходе к определению меры наказания и правовых последствий для обвиняемого, признавшего вину и совершившего меры по реабилитации своего проступка. Вместе с тем, чтобы механизм работал согласованно, необходимо совершенствование критериальной базы. Под критериальной базой понимаются юридически закреплённые обстоятельства, которые суд учитывает при вынесении решения. Среди них можно назвать степень общественной опасности свершенного деяния, размер вреда, поведение обвиняемого в процессе следствия, характер взаимодействия с потерпевшим и т.д. [Теппеев, 2021]. Специалисты в области уголовного права также подчеркивают важность надлежащего реактивного поведения лица не только при расследовании, но и в части добровольного возмещения ущерба. Чем четче сформулированы эти условия в законодательстве и судебной практике, тем меньше пространства остается для субъективных интерпретаций и, как следствие, для судебных ошибок.

Деятельное раскаяние в современных условиях нередко сопровождается дополнительными условиями, такими как возмещение материального или морального ущерба, извинение перед потерпевшим, участие в программах реабилитации. Эти элементы способствуют более полноценному восстановлению социальной справедливости и правопорядка, оказывая при этом воспитательное воздействие на само лицо, совершившее преступление [Тарасов, 2022]. При грамотном применении эти меры укрепляют доверие между обществом и государством, показывая, что закон ориентирован не просто на репрессивное регулирование, но и на исправление личности и возрождение гражданской ответственности у нарушителя. Однако сегодня остается неоднозначным вопрос о том, всегда ли освобождение от уголовной ответственности является оправданным при деятельном раскаянии, особенно когда речь идет о преступлениях, связанных с использованием насилия.

Значимым остается вопрос о юридической природе деятельного раскаяния: выступает ли оно только в качестве смягчающего обстоятельства или все же предполагает полное освобождение от ответственности. В большинстве случаев законодатель оставляет за судом право принимать решение исходя из совокупности обстоятельств, что соответствует принципу индивидуализации наказания и, в целом, идеологии дифференциации [Егоров, 2022]. Тем не менее, некоторые юристы указывают на риск злоупотреблений со стороны обвиняемых, когда раскаяние заявляется формально под давлением перспективы уголовного наказания. В этом смысле совершенствование института должно предполагать проработку доказательственного инструментария, позволяющего отделить искреннее стремление к восполнению вреда от попыток получить льготный процессуальный статус.

Размышляя о возможных изменениях в законодательстве, следует принимать во внимание и вопросы международного опыта. Например, в ряде стран европейского права существенную роль играют положения о возмещении ущерба в досудебном порядке, которые могут предусматривать окончательное прекращение производства по делу. В российском контексте необходимо адаптировать подобные механизмы к национальным правовым традициям, что возможно только при внимательном соблюдении принципа законности и баланса интересов [Кашпер, 2023]. Расширение сферы применения института деятельного раскаяния целесообразно лишь тогда, когда общественная опасность рассматриваемого деяния не выходит за определенные рамки, а само раскаяние представляется достоверным.

Особую сложность вызывает оценка искренности раскаяния при расследовании коррупционных и экономических преступлений, где ущерб может быть весьма значительным, а интересы государства требуют жесткого реагирования. С одной стороны, возмещение причиненного ущерба может существенно снизить негативные последствия для бюджета или имущественных прав граждан, а с другой – возникает вопрос, не создает ли такое освобождение прецедент, когда преступник отделывается легким испугом и денежной компенсацией [Бадалянц, Мальцева, 2022]. Юристы подчеркивают, что при рассмотрении подобных дел суд должен принимать во внимание полноту возмещения вреда, степень зависимости ущерба от объективных обстоятельств или субъективных намерений обвиняемого, а также добросовестность его поступков в постпреступном поведении.

Одним из направлений дальнейшего развития института деятельного раскаяния может стать более широкое использование механизмов условного освобождения от уголовной ответственности с установлением обязательств, связанных с реабилитацией и возмещением ущерба. Такая модель позволяет сохранить контроль государства за лиц, совершившим преступление, и в то же время стимулирует его к выполнению определенных действий, подтверждающих подлинность раскаяния [Бадамшин и др., 2021]. К примеру, возможно установить срок, в течение которого обвиняемый обязан выполнять определенные социально полезные действия, работать над возмещением ущерба, соблюдать условия медиационного соглашения, если оно заключено с потерпевшим. По истечении этого срока при условии безукоризненного поведения лицо могло бы окончательно освобождаться от всех правовых последствий обвинения.

Развивая тему, необходимо учитывать и роль следователя на досудебной стадии. Именно следователь обладает основными полномочиями по сбору доказательств, которые подтвердят или опровергнут факт деятельного раскаяния. Зачастую успех применения данного института зависит от того, насколько след органы способны объективно детально отразить все обстоятельства, свидетельствующие о готовности обвиняемого возместить ущерб, признаться в содеянном, оказать содействие правосудию [Воробьева, 2021]. При отсутствии четких регламентов и инструкций оценивать деятельность следователя в данном направлении крайне сложно, что может негативно сказаться на единообразии правоприменения. В ряде случаев суды жалуются на недостаток информации или разночтения в материалах дела, что затрудняет вынесение справедливого решения.

Говоря о дифференциации ответственности, необходимо помнить и о том, что цель уголовного законодательства – не просто наказание, а предупреждение преступлений, исправление преступника, восстановление социальной справедливости. При деятельном раскаянии лицо само предпринимает, направленные на исправление последствий преступлений – и это должно учитываться как положительный фактор, свидетельствующий о снижении опасности со стороны такого лица и о возможности его исправления без применения

суровых санкций [Густова, Осипов, 2023]. Вместе с тем дифференцированный подход снова ставит вопрос о том, достаточно ли в правовом поле критериев, чтобы судить о подлинности такого снижения угрозы. Если законодатель четко сформулирует признаки, при наличии которых лицо должно признаваться искренне раскаявшимся, и в то же время не будет допускать чрезмерно совокупного перечисления условий, возможности для манипуляций уменьшатся.

Необходимо также учитывать, что помимо сугубо правовых аспектов, институт деятельного раскаяния затрагивает и нравственную сторону взаимоотношений государства, общества и личности. С одной стороны, государство показывает, что побуждает к исправлению и готово прощать совершенный проступок при условии восстановления нарушенных прав. С другой стороны, лицо, добровольно возместившее ущерб и раскаявшееся, испытывает моральное облегчение, а признание этого на уровне закона подчеркивает значимость нравственных факторов [Пудовочкин, 2021]. При этом испытываемое сожаление и желание исправить положение должны подтверждаться деятельными мерами, иначе раскаяние рискует остаться пустой декларацией. Значимый вклад в осознание такой двусторонней связи вносят исследования психологов, позволяющие судить о том, насколько поведение обвиняемого мотивировано внутренними убеждениями, а не внешним влиянием.

Практика показывает, что наиболее сложными остаются преступления, сопряженные с причинением существенного вреда здоровью, жизни или имуществу граждан. В подобных случаях обществу может показаться недостаточным одно только активное раскаяние преступника [Кашпер, 2023]. Высокая общественная опасность требует реализации карательной функции, но право признает, что ни одна преступная деятельность не может определяться лишь моментом совершения деяния. Если человек сделал выводы, раскаялся и принял меры к возмещению ущерба, это заслуживает снисходительного отношения, хотя и не всегда оправдывает полное освобождение от ответственности. Достижение баланса здесь требует, чтобы суды анализировали все индивидуальные обстоятельства и, исходя из них, принимали решение о возможности применения института.

Если говорить о перспективном направлении совершенствования, то можно рассматривать уточнение базовых правовых категорий, лежащих в основе освобождения от уголовной ответственности в случае деятельного раскаяния. Так, следует четче формализовать понятия "существенная помощь следствию", "добровольное содействие", "полное возмещение ущерба" и прочие критерии, влияющие на решение суда [Пикин, 2024]. Вместе с тем подобная формализация не должна перевешивать принцип судебного усмотрения, ведь гибкость и возможность учитывать уникальные обстоятельства дела являются существенным преимуществом данной правовой конструкции. Изучение судебной практики по делам о коррупционных, налоговых и имущественных преступлениях показывает, что трактовка норм о деятельном раскаянии может существенно разниться в разных регионах.

Законодателю предстоит найти баланс между конкретностью формулировок и сохранением свободы усмотрения. Для этого может быть целесообразным введение разъясняющих постановлений высших судебных инстанций, где на основе анализа практики будут сформированы ориентиры для правоприменителей [Теппеев, 2021]. Такие постановления могли бы уточнять, какие действия обвиняемого следует считать достаточными для признания раскаяния деятельным, какие сроки исполнения возложенных обязательств допустимы, в каких случаях стоит сохранять возможность частичного освобождения от ответственности при неправильном, но все же добросовестном исполнении. Подобная детализация укрепит единство судебной практики и позволит избежать крайностей, когда в одном регионе деятельность обвиняемого признается достаточной для освобождения, а в другом – аналогичные действия

трактуются как недостаточные.

Важной аспектной частью совершенствования становится обеспечение контроля за исполнением тех мер, которые возлагаются на обвиняемого в рамках деятельного раскаяния. Если речь идет об условном освобождении, необходимо разработать четкий механизм контроля, чтобы суд не оставался в неведении относительно фактического поведения лица. Кроме того, возникает вопрос о последствиях неисполнения обязательств. Предположим, обвиняемый обещал возместить ущерб, но не сделал этого в установленный срок, либо уклонился от участия в медиационных мероприятиях. Закон должен предусматривать возможность пересмотра вопроса об освобождении и, при необходимости, возвращаться к применению наказания, поскольку несоблюдение условий ставит под сомнение искренность раскаяния [Теппеев, Смирнова, 2023]. В то же время при наличии объективных обстоятельств, препятствующих своевременному исполнению, правоприменитель должен иметь право продлить срок или смягчить требования.

Ученые в области уголовного права неоднократно высказывались о необходимости комплексного подхода к институту деятельного раскаяния, который бы включал широкий круг профилактических мер, а не только освобождение от ответственности. Так, если быть последовательными, то раскаяние обвиняемого и его помощь следствию могли бы сопровождаться участием в программах ресоциализации, помогающих ему осознать природу своего поступка и предотвратить рецидив [Следь, Хабирова, 2020]. В этом плане стоит рассмотреть зарубежный опыт пробации, где акцент ставится на работу с правонарушителем, во многом направленную на восстановление у него норм социального поведения. Сочетание пробации с реабилитационными программами привело бы к более прочному исправлению, нежели простое прекращение дела или освобождение от наказания без каких-либо обязательств.

Заключение

Если мы посмотрим на будущую динамику развития законодательства, то вероятно, что законодатели будут все активнее учитывать интересы потерпевших и общественное мнение. Ведь отсутствующее или недостаточное возмещение ущерба способно вызвать социальное недовольство и негативную оценку правоохранительной системы [Кашпер, 2023]. Параллельно будут укрепляться международные связи, а значит, и международные стандарты, требующие от правовой системы государств-участников учета прав пострадавших, а также соблюдения принципов справедливости и гуманизма. В контексте глобализации важно, что Россия, стремясь к гармоничному развитию своей правовой системы, будет соотносить совершенствование своих правовых институтов с лучшими мировыми практиками, адаптируя их к локальным культурно-правовым условиям.

Как итог, можно отметить, что совершенствование института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием неизбежно связано с углублением дифференциации уголовной ответственности. Именно эта дифференциация позволяет учесть многообразие преступных посягательств и индивидуальные особенности лиц, совершивших преступления [Пикин, 2024]. Задача законодателя и правоприменителя – сформировать комплекс механизмов, гарантирующих баланс между гарантией прав потерпевших, интересами общества и перспективами исправления самого виновного. На этом пути важен последовательный анализ практики, внесение необходимых коррективов в законодательство, подготовка методических рекомендаций и повышение уровня правосознания всех участников процесса. Только при таком подходе институт деятельного раскаяния сохранит свою сущность

и будет эффективно служить принципам гуманизма и справедливости.

Библиография

1. Пикин И.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: определение понятия, основные признаки (дискуссионные вопросы) // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2024. № 2 (40). С. 56-60.
2. Егоров В.С. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: анализ и тенденции // Судья. 2022. № 6 (138). С. 38-42.
3. Теппеев А.А., Смирнова К.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Право и управление. 2023. № 5. С. 296-298.
4. Теппеев А.А. Деятельное раскаяние как институт освобождения от уголовной ответственности // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 291-293.
5. Густова Э.В., Марков Е.И. Уголовно-правовая регламентация и реализация деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности // Российский юридический журнал. 2020. № 4 (133). С. 52-60.
6. Бадальянц Э.Ю., Мальцева С.Н. Деятельное раскаяние: правовая природа и уголовно-правовая характеристика // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2022. № 2 (32). С. 30-36.
7. Кашпер А.А. Характеристика уголовно-правовой нормы, предусматривающей освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2023. № 24. С. 26-36.
8. Следь Ю.Г., Хабирова Р.И. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности в УК РФ // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2020. № 1 (84). С. 151-158.
9. Густова Э.В., Осипов В.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: проблемы теории и практики // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 26-32.
10. Тарасов В.Ю. Деятельное раскаяние как общая предпосылка формирования оснований освобождения от уголовной ответственности // Вестник Академии права и управления. 2022. № 1 (66). С. 37-43.
11. Пудовочкин Ю.Е. Теоретические вопросы совершенствования законодательства об освобождении от уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 3. С. 584-603.
12. Кузьмина О.Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: некоторые направления оптимизации нормативного содержания // Российский следователь. 2020. № 2. С. 43-46.
13. Кашпер А.А. Признаки и значение деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности // Право и образование. 2023. № 8. С. 104-114.
14. Воробьева А.С. Соотношение деятельного раскаяния и специальных оснований освобождения от уголовной ответственности // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. № 3 (15). С. 81-85.
15. Бадамшин И.Д., Билалова Л.Р., Коломийченко Е.В. Раскаяние в рамках института освобождения от уголовной ответственности // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 226-227.

Improvement of the Institution of Exemption from Criminal Liability Due to Active Repentance in the Context of Differentiation of Criminal Liability

Anna G. Bordakova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Combating Economic Crimes,
Samara State University of Economics,
443090, 141, Sovetskoy Armii str., Samara, Russian Federation;
e-mail: ansan12263@mail.ru

Abstract

This study addresses the pressing issue of improving the institution of exemption from criminal liability due to active repentance within the framework of differentiating criminal liability. The

research aims to analyze existing legal mechanisms, identify problems in law enforcement, and develop proposals for optimizing this institution to balance the humanization of punishment, the principle of justice, the protection of the accused's rights, and the interests of victims and society. The relevance of the study stems from the need to enhance the effectiveness of this tool for humanizing criminal policy. The materials and methods include an analysis of current Russian criminal and criminal procedural legislation, a review of domestic and foreign legal doctrine, and a synthesis and critical evaluation of judicial practice. Particular attention is paid to the criteria for assessing the sincerity of repentance, the extent of harm compensation, the degree of cooperation with the investigation, and interaction with the victim. The study employs a comprehensive approach, combining dogmatic, comparative legal, and socio-legal methods. The results reveal key problems in applying the institution of active repentance, including difficulties in qualifying the accused's actions as genuine repentance, the risk of a formalistic approach, insufficient evidentiary basis for objective assessment, challenges in evaluating sincerity in economic and corruption-related crimes, and ambiguity in applying the institution to serious offenses. The lack of clear legislative criteria for concepts such as "substantial assistance to the investigation" and "full compensation for damage" leads to inconsistencies in judicial practice. The study also identifies issues of duplication or improper overlap with related institutions, such as reconciliation with the victim. The discussion confirms the need to improve the institution, with key proposals including formalizing key concepts and assessment criteria in legislation and regulations (while preserving reasonable judicial discretion), developing clear procedural mechanisms for proving repentance, implementing a system for monitoring the accused's compliance with obligations (including the possibility of revising the decision in case of non-compliance), expanding the use of conditional exemption with rehabilitation programs and mediation, and adapting the institution to the specifics of cybercrime. The study emphasizes the importance of strengthening the victim's role in the exemption procedure and the need to consider international experience while adapting it to Russian realities. Special attention is given to ensuring a balance between humanism and the inevitability of punishment, preventing abuse.

For citation

Bordakova A.G. (2025) Sovershenstvovanie instituta osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti v svyazi s deyatelnym raskayaniem v kontekste differentsiatsii ugovnoy otvetstvennosti [Improvement of the Institution of Exemption from Criminal Liability Due to Active Repentance in the Context of Differentiation of Criminal Liability]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (4A), pp. 318-327.

Keywords

Active repentance, exemption from criminal liability, differentiation of criminal liability, humanization of criminal law, criminal law institution.

References

1. Pikin I.V. Exemption from criminal liability in connection with active repentance: definition of the concept, main features (debatable issues) // *Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice*. 2024. No. 2 (40). pp. 56-60.
2. Egorov V.S. Exemption from criminal liability in connection with active repentance: analysis and trends // *Judge*. 2022. No. 6 (138). pp. 38-42.
3. Teppeev A.A., Smirnova K.V. Exemption from criminal liability in connection with active repentance // *Law and Management*. 2023. No. 5. pp. 296-298.

4. Teppeev A.A. Active repentance as an institution of release from criminal liability // *The Eurasian Law Journal*. 2021. No. 3 (154). pp. 291-293.
5. Gustova E.V., Markov E.I. Criminal law regulation and implementation of active repentance as grounds for exemption from criminal liability // *Russian Law Journal*. 2020. No. 4 (133). pp. 52-60.
6. Badalyants E.Yu., Maltseva S.N. Active repentance: legal nature and criminal legal characteristics // *Bulletin of the S.Y. Witte Moscow University. Series 2: Legal Sciences*. 2022. No. 2 (32). pp. 30-36.
7. Kashper A.A. Characteristics of the criminal law norm providing for the release of a person from criminal liability in connection with active repentance // *Bulletin of the Donbass Law Academy. Legal sciences*. 2023. No. 24. pp. 26-36.
8. Sled Yu.G., Khabirova R.I. Active repentance as a basis for exemption from criminal liability in the Criminal Code of the Russian Federation // *Socio-economic and technical systems: research, design, optimization*. 2020. No. 1 (84). pp. 151-158.
9. Gustova E.V., Osipov V.A. Exemption from criminal liability in connection with active repentance: problems of theory and practice // *Journal of Criminology*. 2023. No. 1. pp. 26-32.
10. Tarasov V.Y. Active repentance as a general prerequisite for the formation of grounds for exemption from criminal liability // *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2022. No. 1 (66). pp. 37-43.
11. Pudovochkin Yu.E. Theoretical issues of improving legislation on exemption from criminal liability // *Bulletin of St. Petersburg University. Right*. 2021. Vol. 12. No. 3. pp. 584-603.
12. Kuzmina O.N. Institute of exemption from criminal liability: some areas of optimization of regulatory content // *A Russian investigator*. 2020. No. 2. pp. 43-46.
13. Kashper A.A. Signs and significance of active repentance as grounds for exemption from criminal liability // *Law and education*. 2023. No. 8. pp. 104-114.
14. Vorobyova A.S. The ratio of active repentance and special grounds for exemption from criminal liability // *Theory and Practice of Socio-humanitarian sciences*. 2021. No. 3 (15). pp. 81-85.
15. Badamshin I.D., Bilalova L.R., Kolomyichenko E.V. Repentance within the framework of the institution of exemption from criminal liability // *The Eurasian Law Journal*. 2021. No. 2 (153). pp. 226-227.